

И. М. ТРОНСКИЙ, Очерки из истории латинского языка, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1953, цена 11 р. 80 к.

В последнее время оживился интерес к изучению истории латинского и греческого языков². Известно, что Н. Я. Марр и его последователи недооценивали научное значение классических языков для общего языкознания. Они использовали из них лишь термины и собственные имена в целях демонстрации пресловутого четырехэлементного палеонтологического анализа. Разоблачение антинаучных марровских концепций открыло широкий путь для глубокого изучения языков античного мира.

Изучение истории греческого и латинского языков, их терминологии дает плодотворные результаты для историков древнего мира. Между тем, кроме переводных работ Нидермана по исторической фонетике латинского языка (М., 1949), Линдсея — по исторической грамматике (М., 1948), Эрну — по исторической морфологии латинского языка (М., 1950), книги Бурсье «Основы романского языкознания» (М., 1952) и Шартрена «Историческая морфология греческого языка» (М., 1953), не имеется ни одной русской работы, излагающей полную историю классических языков. Книга проф. Петушила «Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка» (Харьков, 1878) описывает явления языка, лишь частично связывая их с его историей. В книге проф. Сергиевского «Введение в роман-

¹ Не следует ли так же ставить вопрос и в отношении «мосхов» и «месхов»? Ср. «словенцев», «словаков» и «словен» или «сербов» — балканских и лужицких.

² См. ВДИ, 1951, № 4, стр. 175—178; ВДИ, 1952, № 4, стр. 129—133.

ское языкознание» (М., 1952) дан очень краткий очерк «народной латыни». Поэтому появление рецензируемой книги можно только приветствовать, хотя и она не дает подробной истории латинского языка.

Автор сам заявляет (стр. 92), что его «задача может состоять лишь в том, чтобы показать некоторые основные, ведущие линии развития». Тем не менее в книге анализируются основные этапы развития латинского языка, о чем свидетельствует уже сам перечень ее глав¹: I глава — Источники, II — Индоевропейское происхождение латинского языка, III — Языки Италии, IV — Долгитературная латынь, V — Становление литературного языка, VI — Распределение латинского языка по территории Италии, VII — Развитие латинского языка в период ранней империи.

В основном «Очерки» представляют собой лекции автора, основанные, очевидно, на многолетнем изучении материала, так что в этом отношении его труд рассчитан не только на узкий круг филологов и лингвистов, но также на историков и вообще знающих латинский язык. Вместе с тем очерки не представляют собой компиляции или простого описания фактов, а являются часто их обобщением, иногда с оригинальным исследованием самого автора, свидетельствующим о глубоком знании материала и отличающимся самостоятельным толкованием разнообразных памятников латинского языка. Автор широко использует различные латинские тексты, свидетельства грамматиков, а также новую зарубежную научную литературу, напр. работы Devoto, Cousin, Marouzeau, Pallotino, Ernout, Löfstedt, Väänänen, Svennung, и др.

Первая глава содержит обзор источников для изучения истории латинского языка. Автор критически подходит к текстам и правильно обращает внимание на модернизацию архаических латинских текстов и выравнивание их по нормам более позднего латинского языка, произведенные их позднейшими переписчиками. И. М. Тронский приводит новые яркие примеры этому как из Плавта², так и из других архаических текстов и правильно считает, что установление степени достоверности текста на основе оценки рукописного предания является предварительным условием лингвистической работы над античным текстом (стр. 12).

Глава вторая посвящена проблеме индоевропейского происхождения латинского языка и определению его места среди индоевропейских языков вообще и итальянских в частности. На примерах латинского языка автор показывает значение сравнительно-исторического метода для определения грамматического строя и лексической общности индоевропейских языков. И. М. Тронский приводит категории многочисленных латинских слов, родственных словам не только всех основных индоевропейских языков, но родственных или только древнеиндийским словам, или только греческим. Автор выделяет также и такие слова, которые вовсе не находят себе соответствий в других индоевропейских языках (стр. 29—34). Однако то обстоятельство, что целая категория латинских слов имеет лишь ограниченный круг родства, автором объясняется лишь по отношению к древнеиндийскому языку, причем он считает, что эта группа слов имела сакральное или юридическое значение (стр. 33).

Вопрос о родстве латинского языка является весьма сложным, и на нем следовало остановиться подробнее в связи с итало-греческой и итало-кельтской гипотезами происхождения латинского языка.

К сожалению, на примерах латинского языка автор не вскрывает «серьезные и е-д-о-с-т-а-т-к-и» сравнительно-исторического метода, на которые указал И. В. Сталин и которые не один раз подвергались критике нашими лингвистами³. Говоря об утере

¹ Часть из них была зачитана в Институте языкознания Академии наук СССР.

² Что касается Плавта, то модернизация его языка была доказана уже давно. См., напр., статью Мейстера «Altes Vulgärlatein», «Indogermanische Forschungen», 1909—10, 26, стр. 69—90.

³ См., напр., статью Б. А. Серебряникова «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950, стр. 159—162, или Б. В. Горюнга, ВЯ, 1952, № 4, стр. 20—38.

латинским языком некоторых архаических черт, И. М. Тронский справедливо замечает, что на этом основании нельзя считать греческий язык или санскрит более архаичными и более консервативными, чем латинский, который также заключает в себе древние черты (стр. 42). К сожалению, эти черты латинского языка, напр. функция конъюнктива в качестве будущего и др., автор не приводит и ограничивается ссылкой на латинское медиопассивное *г*. Рассматривая ближайшие связи латинского языка с отдельными индоевропейскими языками, автор обосновывает несостоятельность теории итало-греческого единства (стр. 44 слл.) и разбирает «итало-кельтскую» теорию, привлекая новые данные из хеттского и тохарского языков (медиопассивное *г* и конъюнктивное *а*). Однако этих данных еще недостаточно, чтобы разрушить итало-кельтское родство, поэтому осторожный вывод автора о том, что отношение италийских языков, и в частности латинского, к другим ветвям индоевропейских языков является весьма сложным и не может быть сведено к какой-либо простой формуле, — представляется нам правильным (стр. 48).

Интересна третья глава — «Языки Италии». Если очерк оскского языка в русской науке впервые дал проф. И. В. Цветаев¹, а проф. Петушил (ук. соч., стр. 193—248) характеризовал и умбрийский язык, то очерки венецкого, мессапского, опундийского и этрусского языков мы видим впервые на русском языке в книге И. М. Тронского. Автор разбирает основные памятники италийских языков с переводом их на латинский и определяет их отношение к латинскому языку. Автор приходит к выводу, что сходные факты латинского и оскско-умбрийского языков еще не всегда могут быть возведены к праиталийскому субстрату, а могут быть результатом параллельного независимого развития (стр. 77).

В четвертой главе дается характеристика «доисторических процессов грамматического развития» в долитературный период развития латинского языка V — III вв. до н. э. на основании обширного и разнообразного материала источников. К сожалению, построение этой главы не отличается выдержанностью. Более целесообразным было бы начать изложение с распространения латинского языка по территории Италии в связи с римскими завоеваниями, о чем говорится только в шестой главе, затем сказать о форме письма, далее перейти к лексике, как наиболее гибкому элементу языка, и, наконец, к вопросам морфологии и синтаксиса. Между тем автор в конце главы возвращается к фонетике (стр. 154 сл.) и в связи с процессом «сужения» гласных и синкопой подробно разбирает вопрос об ударении в латинском ударении.

Анализируя архаическую лексику, И. М. Тронский почему-то подробно останавливается лишь на словах, связанных с земледелием и скотоводством, и совершенно игнорирует военную лексику, игравшую большую роль в образовании основного словарного фонда и словарного состава латинского языка².

Сложный и до сих пор спорный вопрос об ударении в латинском языке рассматривается автором с большим увлечением. Этим, вероятно, и объясняется отдельная постановка его в конце главы. Известно, что, по мнению многих, особенно немецких и английских исследователей, в доисторический период в словах латинского языка, судя по редукции гласного в неударном слоге, а также на основании явлений синкопы сильное динамическое ударение было на первом слоге, каковое, по всей вероятности, существовало и в этрусском языке. Впоследствии, предполагают эти ученые, под влиянием действия второстепенного ударения в многосложных словах ударение с первого слога переместилось на второй или третий слог от конца, причем, по мнению одних (Линдсей, Штольц и др.), оно осталось тем же динамическим лишь с легким повышением тона в ударном слоге; по мнению других (напр., Нидерман), ударение стало

¹ И. Цветаев, Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием, Киев, 1876; он же, Италийские диалектические надписи, М., 1886.

² См. напр., Вейзе, Опыт характеристики латинского языка, М., 1901, стр. 33 слл.

музыкальным, а в эпоху поздней империи снова динамическим. И. М. Тронский обосновывает новую гипотезу о латинском ударе, принадлежащую Мейе и Жюре. Прежде всего, по мнению автора, явления синкопы следует отделять от явления редукции гласных в неударных слогах, так как синкопа вызывалась не только особой трактовкой или ударением на первом слоге, но происходила и позже на всем протяжении существования живого латинского языка. Что касается редукции гласных, то она выражалась в «сужении» гласных и зависела не от первоначального удара на первом слоге, а от того, что первый слог произносился в более сильном темпе, вследствие чего на произнесение следующих гласных оставалось меньше времени и они «сужались» (стр. 169). В подтверждение особой трактовки первого слога И. М. Тронский указывает на аллитерацию, которая применялась, особенно в архаическом языке, именно на первом слоге (стр. 170). Выдвижение первого слога связано с воздействием лингвистической, в частности этрусской среды, но, по мнению автора, «латинский язык не заимствовал чуждого ему типа удара, а переработал иноязычное воздействие в своих целях» (стр. 170). Что касается литературного периода, то в это время ударение, как думает автор, было музыкальным: нет оснований не верить римским грамматикам, напр. Помпею (V в. н. э.), когда он заявляет: «Тот слог сильнее звучит (*plus sonat*), который имеет ударение» (*Gr. lat.*, V, 126). Если бы в позднее время ударение не изменилось, не стало вместо музыкального динамическим, такое замечание Помпея было бы ничем не оправданным (стр. 162). Таким образом, в поздней империи ударение из музыкального перешло в динамическое, что отразилось и на изменении характера латинского стихосложения.

Здесь, конечно, не место исследовать весь спорный вопрос о латинском ударе: для его уяснения необходим широкий сравнительный материал из других языков, но все же напрашивается ряд вопросов. Без сомнения верно, что синкопа происходила на протяжении всей истории латинского языка, т. е. и после прекращения действия первого слога. Чем же она была позже вызвана? Уже *Appendix Proba* в I в. н. э. исправляет синкопированные формы народной латыни, напр. *vetulus non veclus*. Следовательно, в ту эпоху уже действовало динамическое ударение. Сам автор видит здесь, как и позже, в предроманскую эпоху, действие *д и а м и з а ц и и* и удара (стр. 266). Но назвав синкопу явлением «спорадическим» (стр. 169), «плохо поддающимся формулировке» (стр. 171), автор вовсе еще не устраняет этим закономерности в ее развитии, которую могут обнаружить дальнейшие исследования. Если так дело обстоит с синкопой, то и «сужение» конечного слога едва ли можно отнести за счет влияния «темпа» первого слога. Ведь это «сужение» завершилось лишь в III—II вв. до н. э., когда действие начального слога кончилось и уже утвердилось, по мнению автора, музыкальное ударение на втором или третьем слоге от конца, а в положении после *и* и *q* этот процесс «сужения» еще более «задержался» и закончился лишь в начале империи (стр. 255). Однако сложный вопрос о характере латинского удара и его действии едва ли удастся до конца разрешить, так как мы лишены возможности слышать латинскую речь.

Глава пятая трактует о формировании литературного языка. Путем ряда выводов и обобщений И. М. Тронский ясно показывает, как шла нормализация литературного языка в области лексики и архаической неустойчивой фонетико-морфологической системы, а также и в области синтаксиса. Нам представляется, что правильнее эту главу следовало озаглавить «Становление классического языка», так как в ней не рассматриваются все этапы развития литературного языка, например, развитие языка от Плавта к Теренцию. Дав краткий очерк языка Лукреция, Саллюстия, Цезаря и Тибулла, автор не выделяет поэтический язык с его особой лексикой и архаизацией, повлиявший на образование так называемой «серебряной латыни». Следовало подчеркнуть то, что приходилось не раз отмечать¹, — колебание и неустойчивость самого «классического» языка, которая показывает, что между «народным»

¹ См ВДИ, 1952, № 4, стр. 131.

языком и нормализованной «классической» речью не было непроходимой пропасти. Общепонятный язык был один.

Материал шестой главы — «Распространение латинского языка по территории Италии», как уже отмечалось выше, правильнее было поместить в IV и отчасти в V главах. В этой главе на материале надписей автор показывает латинизацию фалисского языка и дает ценное лингвистическое исследование помпейских «народных» надписей, доказывающих единство общепонятного языка. В вопросе о происхождении современных итальянских диалектов И. М. Тронский опровергает мнение итальянских лингвистов о связи их с древними местными языками.

В заключительной главе рассматривается развитие латинского языка в период ранней империи. Автор показывает, что в период III—IV вв. далеко зашло лишь развитие словарного состава латинского языка; что касается грамматической структуры, то она изменилась мало; латинский язык в основном сохранил свой флективный строй. Памятники латинского языка показывают, что в это время далеко еще не сложились те элементы грамматического строя, которые романисты реконструируют из данных романских языков (стр. 267 и сл.)¹ для предроманской эпохи латинского языка. Все это подтверждает положения марксистско-ленинской науки о языке, что «...переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, ... а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»².

Таково в основных моментах содержание разбираемой книги. Отмеченные недостатки отчасти объясняются тем, что это лишь «Очерки», предваряющие будущую историю латинского языка, куда должны быть включены и сведения из исторической грамматики (происхождение форм).

В заключение нельзя не коснуться русского языка этой книги. Изложение сложного лингвистического материала в виде лекций требует ясного и простого языка. Этого, к сожалению, нет в «Очерках». Мы встречаем здесь большое число надуманных новообразований, неясных выражений и фраз. Например: «отнесение фонологической вершины — места максимального фонеморазграничения — к началу слова — яркий показатель того значения, которое в древней латыни имеет словораздел» (стр. 170); «геминированные гласные» (почему не «удвоенные»?); «геминаты» (стр. 199 сл.); «огубленность» заднего ряда (= лабиализация) (стр. 201); (глагол может) «транзитивировать», такая «транзитивация» (стр. 207); «маркирование перфекта» (стр. 213) «неспецифицированная грамматическая зависимость» (стр. 244); «иррадиационный центр» (стр. 248); «окончание -us массовидное» (стр. 267) и др. Такие вычурные слова, понятные лишь специалистам, конечно, осложняют пользование книгой. А между тем до появления первого учебника по истории латинского языка она может служить пособием не только для студентов филологов и историков, но и для всякого читателя, интересующегося историей латинского языка, как основы языков романских.

Проф. Н. Ф. Дератани

¹ См. ВДИ. 1952, № 4, стр. 130.

² В. С. Афанасьев, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.